

А. С. Усачев

Российский государственный гуманитарный университет, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.
asuuas1@mail.ru

«СОЦИАЛЬНОЕ ПРИДАНОЕ» ДОЧЕРИ МАЛЮТЫ СКУРАТОВА: Б. Ф. ГОДУНОВ И ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В статье рассматриваются малоизученные связи Годуновых с представителями церковной элиты. Показано, что брак Б. Ф. Годунова с дочерью близкого к царю Г. Л. Скуратова-Бельского способствовал укреплению не только его служебных позиций. Б. Ф. Годунов, по сути, унаследовал тесную связь с родовым монастырем Бельских – Иосифо-Волоколамским. Показано, что, даже серьезно пострадав во время мора 1560–1570-х гг., он продолжал сохранять какую-то часть былого влияния. В то же время после смерти своего главного покровителя Ивана IV обитель нуждалась в поддержке влиятельных лиц. Союз Годуновых с ней проявился в виде вкладов и поддержки выходцев из нее, занявших значимые позиции в Русской церкви (строитель Ипатьева монастыря Гурий (Ступишин), новгородский митрополит Варлаам). Высказано предположение, что связанные с монастырем лица оказали поддержку Б. Ф. Годунову на избравшем его на царство Соборе 1598 г. В основу исследования положены акты, вкладные, кормовые и приходо-расходные книги обители Иосифа.

Ключевые слова: монашество, Русская церковь, XVI век, Новгородская епархия, Иосифо-Волоколамский монастырь, Б. Ф. Годунов, Г. Л. Скуратов-Бельский, епископат, Освященный собор

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00218,
<https://rscf.ru/project/20-18-00218/>.

Процесс беспрецедентного для России эпохи Средневековья и раннего Нового времени возвышения рода Годуновых неоднократно рассматривался в целом ряде работ. Их авторы свое внимание сосредоточили на генеалогии многочисленных потомков Дмитрия Зерно, земельных владениях Годуновых, их связях с различными служилыми родами, а также на участии в политической жизни России XVI – начала XVII в. представителей этого семейства [Веселовский, 1946; Зимин, 1986; Скрынников; Павлов, 1992; Павлов, 2018; Станиславский, с. 23–186; Назаров; Корзинин; Литвина, Успенский, 2022б]. Рассматривая казус Годуновых, ученые, главным образом, концентрировались на их месте в политическом пространстве.

Ограниченность подобной исследовательской позиции очевидна – в эпоху Средневековья и раннего Нового времени огромную роль играла Церковь. Наглядно это продемонстрировали события 1598 г.: именно безусловная поддержка патриарха Иова и его сторонников из числа участников Освященного собора, представлявшего своего рода «верхнюю палату» Земского собора, стала решающим фактором в избрании Б. Ф. Годунова на царство. Трудно сомневаться, что связи Годуновых в церковной среде в немалой степени способствовали их победе в борьбе за власть с политическими противниками – князьями Мстиславскими, князьями Шуйскими, Романовыми и прочими. Очевидно, что решение Собора 1598 г. во многом явилось итогом многолетних усилий Годуновых, направленных на упрочнение своего влияния в главном органе церковного управления. Данный процесс изучен гораздо меньше, нежели процесс укрепления их позиций в Боярской думе. В немногих работах по этой тематике рассматривались связи Годуновых с их родовым костромским Ипатьевым, дорогобужским Герасимовым Болдыным, Кирилло-Белозерским монастырями, а также, конечно, с патриархом Иовом [Макарий (Миролюбов); Шпаков; Веселовский, 1946, с. 58–59, 67–71, 76–80; Баталов, 1987; Баталов, 1996, с. 50–54; Усачев, 2018; Дмитриева, Павлов; Ульяновский, с. 44–118]. Очевидно, что

этим круг их связей не исчерпывался. Какие еще силы внутри Церкви могли оказать поддержку Годуновым?

Напомним общеизвестный факт: брак Б. Ф. Годунова (около 1570 г.) с дочерью худародного, но весьма влиятельного временщика эпохи Ивана IV Г. Л. Скуратова-Бельского († 1 января 1573 г.) оказал немалое влияние на его успешную карьеру при дворе. Есть основания полагать, что кругом связей со значимыми светскими лицами «социальное приданое» Марии Григорьевны не исчерпывалось. Обратим внимание на важную страницу истории рода Бельских.

Родовой монастырь Бельских и Б. Ф. Годунов

Хотя не слишком знатные и богатые служилые люди Бельские были связаны с целым рядом монастырей – Новодевичьим¹, Чудовым², московским Богоявленским [Алексеев, 2021, с. 88], Троицей³, Кирилловым⁴, Троицким Селижаровым, Саввиным Сторожевским⁵, главным для них на протяжении целого ряда десятилетий являлся Иосифо-Волоколамский⁶.

Среди его наиболее щедрых вкладчиков выделяются один из руководителей опричнины Г. Л. Скуратов-Бельский и члены его семьи. 5 апреля 1568 г. Малюта дал 100 руб. по родителям, в 1569/1570 г. – «потырь серебрян да ризы бархот бел, оплечье и кружево олтобас з золотом, да два колокола, весу в них 70 пуд»⁷. 200-рублевый вклад Малюты предназначался для строительства церкви Петра и Павла (оно было закончено в 1589 г.) [Зимин, 1977, с. 55]. Вдова опричника Мария по супруге дала в обитель не менее 500 руб.⁸ Известны вклады в обитель и иных лиц по Малюте (прежде всего, конечно, царя Ивана IV). Вдова Малюты делала вклады и по других лицах. Так, 30 августа 1574 г. она дала по своему зяте – крещеном служилом татарине высокого статуса Иване Келмамаевиче (вероятно, одном из Шейдяковых [Беляков, с. 584–585]) – 50 руб.

Не забывали монастырь и дети Малюты. 21 сентября 1575 г. Мария (жена Б. Ф. Годунова) дала по отцу 5 руб. на корм и 1 руб. на панихиду. Делала она вклады и позднее. 19 сентября 1581 г. последовал вклад сразу трех дочерей Малюты: Мария дала 6 руб., Екатерина (жена князя Д. И. Шуйского) – 11 руб., дочь, бывшая замужем за князем И. М. Глинским (Анна), – 6 руб. Сын опричника – Максим Горяин – 7 мая 1576 г. дал по матери на вечное поминание 50 руб.⁹

Следует отметить, что Бельские в целом были небогаты. На сравнительную бедность большинства из них, основные доходы которым, судя по всему, приносила служба, указывает

¹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 172, 173, 181, 187, 208, 226; Das Speisungsbuch von Volokolamsk = Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря: eine Quelle zur Sozialgeschichte russ. Klöster im 16. Jh. / Hrsg. u. übers. von Ludwig Steindorff unter Mitarb. von Rüdiger Koke [et al.]. Köln [etc.], 1998. S. 73.

² Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С. Н. Богатырева. М., 1996. С. 49, 144; [Алексеев, 2019, с. 85].

³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 128.

⁴ Кормовое поминание в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках / Подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 313, 367.

⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2. № 29.

⁶ О генеалогии Скуратовых-Бельских и их связях с волоколамской обителью см.: Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 67, 96, 100–102, 104; [Тихомиров, с. 132–133; Веселовский, 1963, с. 201–204; Зимин, 1977, с. 55, 130–131, 309]; Das Speisungsbuch von Volokolamsk ... S. 37, 43, 57, 73, 203, 229; [Корзинин, Башнин, с. 174–175; Гневашев].

⁷ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 67, 96.

⁸ Das Speisungsbuch von Volokolamsk ... S. 37.

⁹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. М.; Л., 1980. С. 8–10, 19, 88, 89, 96, 100, 102, 104, 136, 148, 193–194; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. М.; Л., 1987. С. 17, 194 и др.

то, что среди их вкладов отсутствуют земельные владения. Очевидно, что вотчин у них было немного. Располагая по преимуществу поместьями, они вкладывали в монастыри исключительно движимое имущество. Неравномерность финансовых возможностей отдельных представителей рода Бельских фиксирует соотношение вкладов: из примерно 2 тыс. руб., которые дали Бельские волоколамскому монастырю, вклады Малюты и его ближайших родичей по его душе превысили 1500 руб. [Корзинин, Башнин, с. 183–184]. Вклады прочих Бельских существенно скромнее.

Так, 30 сентября 1573 г. инок Илья (брат опричника) дал 7 руб. в дополнение к ранее данным 12 руб. Год спустя Илья «отметился» еще 4 руб., 20 июня 1575 г. – 7 руб. К 26 сентября 1575 г. он дал еще 20 руб., 30 января 1576 г. – по жене 7 руб., 6 февраля 1576 г. – 7 руб. Его сын и, соответственно, племянник Малюты Григорий (в иночестве – Геронтий) тогда же дал 20 четей пшеницы и 10 пудов меда, а год спустя – еще 15 четей пшеницы. Судя по всему, Григорий был не слишком богат – он был пострижен 9 июня 1581 г. «по государственной грамоте и по приказу», дав 74 образа, обложенных серебром и золотом, которые были оценены в 140 руб.¹⁰ (вероятно, они были даны царем¹¹). Еще один брат опричника Григорий Верига и его сын Петр также давали вклады в обитель, правда, не слишком крупные. Так, 6 июля от одного из них поступило две гривны на молебен. Спустя несколько дней Петр Верига, вероятно, по своим родичам дал еще 6 руб., а также 5 руб. по отце Григории и гривну на молебен¹².

Бывший некоторое время казначеем обители Иосифа Вассиан (Бельский) (точная степень его родства с Малютой нам неизвестна) дал «лохань медену да два рубля», а в 1573/1574 г. «на погребальный корм пол третья рубли денег, да лоханку меденую большую за пол третья ж рубли»¹³. Размер вклада Вассиана (он намного менее 50 руб.) не позволял ему надеяться на установление вечного поминания – соответствующая запись вкладной книги обители Иосифа подчеркивает, что поминать его должны были в течение того срока, который определит игумен. Спустя несколько лет Вассиан дал по своему сыне Афанасии 10 руб. Известен и вклад Вассиана в 5 руб., а также 15 алтын на внесение в синодик имен трех родичей (июнь 1573 г.) и полполтины денег на внесение двух имен в синодик (13 ноября 1573 г.). 2 января 1574 г. Вассиан дал полполтины на внесение 6 имен в синодик. 5 января он добавил 2,5 руб.

К числу крупных вкладчиков из рода Бельских наряду с Малютой принадлежал и влиятельный в последние годы правления Ивана IV Богдан Яковлевич. 21 сентября он дал «по своих родителех на корм» 12 руб., «да на молебен да на понахиду рубль». В 1575/1576 г. Богдан дал 50 четвертей пшеницы, 3 июня 1576 г. – «за два жеребца пол-30 рублей» и полполтины на молебен, в октябре 1581 г. – 100 руб. по матери Елене. Примерно в это же время вместе с Богданом Сидоровичем Бельским он дал еще 200 руб. Приехавший в обитель вместе с государем Б. Я. Бельский 25 мая 1579 г. дал в обитель Иосифа огромный вклад – 500 руб. 29 января 1589 г. Богдан, вновь лично прибыв в обитель, дал 111 руб. по своему брате Иване. Его мать – «Офимья» – «на корм по своим родителям» 27 декабря 1573 г. дала 7 руб. (вероятно, она происходила из рода, который, как и Бельские, был связан с обителью Иосифа). Сестра Богдана –

¹⁰ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 100–102; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 89, 96, 189.

¹¹ Приходо-расходная книга приводит сведения о более скромном личном вкладе Григория – «пол-9 рубли денег да на платье ево взято 6 рублей 8 алтын» (см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 189).

¹² Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 6.

¹³ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 101.

Мария – в этот же день дала «на молебен» полтину. 19 сентября 1581 г. жена Б. Я. Бельского дала 6 руб.¹⁴

Среди иноков обители Иосифа мы находим не менее пяти Бельских: Леонид (Лукьян Скурат Бельский) (отец Малюты), под 1558/1559–1560 гг. упоминается Гавриил (в миру – Григорий Верига) (брат), под 1573–1575 гг. – Илья (брат), под 1581 г. – Геронтий (сын Ильи, племянник), под 1573–1579 гг. – казначей Вассиан (Бельский)¹⁵. Неудивительно, что целый ряд представителей рода (включая Г. Л. Скуратова-Бельского, его родителей и сына) похоронен в обители¹⁶.

Взаимоотношения Бельских с монастырем вкладами и постригом в нем не ограничивались. С одной стороны, порой Бельские брали в долг у монастыря (вероятно, нуждаясь в наличных средствах). Так, 30 апреля 1582 г. слуга Б. Я. Бельского «на государя своего» взял 60 руб., дав «память в тех деньгах»¹⁷. С другой стороны, стремясь застраховаться от нежелательных поворотов весьма непостоянной Фортуны, они хранили в обители и свои личные средства. Так, не позднее мая 1573 г. – 29 апреля 1574 г. в монастырском «ларчике» фиксировались «Малютиных церковных денег» 200 руб., два года спустя источники фиксируют «в новгородской коробье» 186 руб. «Малютиных денег»¹⁸. Не позднее декабря 1587 г. Б. Я. Бельский разместил в обители «7 коробей за его замки и за печатью с ярлыки» (точная сумма неизвестна)¹⁹. Шесть коробей Богдана оставалось в обители еще в декабре 1589 г. В этот же период в монастыре хранились некие «коробья черные ветхие за замки и за печатьми» Вассиана (Бельского). Трудно сомневаться в том, что речь шла о весьма высоком уровне доверия к обители и ее администрации, которые в трудную годину могли уберечь имущество, а возможно, и жизнь Бельских.

Порой связи носили и «нематериальный» характер. Так, в 1589 г. «в праздник в Оспожин день святых богородицы поехал старец (обители Иосифа. – А. У.) Антоней с святою водою к Богдану Яковлевичу Бельскому в Ярославль»²⁰. Очевидно, что монастырь для Бельских (как, впрочем, и другие обители для многих иных родов) был гораздо больше нежели богомолье. Речь шла о месте, в котором концентрировались личные, финансовые и, конечно, духовные интересы представителей этого семейства на протяжении нескольких десятилетий.

Вслед за своими господами, долгие годы связанными с обителью, делали вклады в нее и слуги Бельских. Так, вероятно, около 1570/1571 г. слуга Г. Л. Скуратова-Бельского «Костянтин Дмитриев сын, а прозвище Лева» дал 20 руб., а несколько позднее еще 10 руб., а также обложенный серебром образ Богородицы. 28 апреля 1582 г. последовал вклад (30 руб.) слуги Б. Я. Бельского Ивана Григорьевича сына Паршина. В тот же день, вероятно, он же вместе с другим слугой Б. Я. Бельского Алексеем Шулеповым дал на молебен 2 гривны. Слуга Богдана Афанасий Иванов 25 мая 1579 г. дал достаточно крупный вклад в обитель – 50 руб. 9 января 1580 г. слуги Афанасия Бельского «Шишел с товарищи» дали на молебен 4 алтына. 19 сентября

¹⁴ Там же. С. 101–104, 113; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 4–5, 10, 15, 16, 88, 104, 136, 193–194, 203; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 48.

¹⁵ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 67, 96, 100–102, 104; [Дайкстра, с. 255, 258, 261, 270, 289].

¹⁶ Das Speisungsbuch von Volokolamsk... S. 43, 57, 73.

¹⁷ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 229.

¹⁸ Там же. С. 1, 85. Четкое отделение «монастырских денег» от «Малютиных» в источнике не дает оснований согласиться с мнением о том, что речь шла о деньгах, вложенных Малютой в обитель [Корзинин, Башнин, с. 182]. При этом не приходится сомневаться в том, что деньги, некогда отданные на сохранение, со временем поступили в монастырскую казну.

¹⁹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 239.

²⁰ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 83, 103.

1581 г. Курбат, слуга дочери Г. А. Скуратова-Бельского Екатерины, дал 10 алтын на панихиду, 21 декабря 1581 г. слуга умершего к тому времени Малюты Герасим Васильев сын Узкого – 10 руб.²¹

Как видим, Бельские и близкие к ним лица на протяжении по меньшей мере трех поколений были связаны с обителью Иосифа. При этом один из представителей рода – Вассиан – входил в ее администрацию, являясь казначеем. Подобная ситуация являлась, по сути, нормой: в XVI в. в обители Иосифа приняли постриг не менее 7 представителей рода Ленковых, не менее 8 – Ступишиных. Некоторые из них становились соборными старцами, казначеями и келарями, а порой настоятелями и даже архиереями (см. ниже).

В связи худородных Бельских с обителью Иосифа нет ничего удивительного: на протяжении конца XV – XVI в. в отличие от несравнимо более аристократических Троицы и Кириллова она являлась монастырем мелких и средних служилых людей, формирующим активное ядро ее насельников и преобладавших в монастырской администрации (большинство – вероятно, несколько более половины – келарей, казначеев и соборных старцев являлись выходцами из этой социальной среды) [Тихомиров, с. 135–136; Зимин, 1977, с. 112–122, 153–165; Dykstra, p. 120–135]. Вероятно, эта традиция была заложена еще при выходе из небогатых служилых людей Иосифе (Санине), который ратовал за пострижение «честных мужей» [Усачев, 2021, с. 319–322]. Трудно сомневаться в том, что близость семейства самого известного опричника к монастырю оказала определенное, возможно, немалое влияние на весьма любопытный факт церковной и политической истории: насколько нам известно, ни один из иноков обители Иосифа (в отличие, например, от старцев Троицы или Чудова) не пострадал в годы опричнины.

С кончиной самого известного Бельского связь его родичей с обителью Иосифа не прервалась – вклады в нее давали Богдан Яковлевич и Богдан Сидорович Бельские, а также дочери и зятя Малюты²². Делал их в обитель и супруг Марии Григорьевны еще в те годы, когда он играл далеко не самую заметную роль на политической сцене (она претерпела изменения лишь после получения им боярского чина в 1580 г. и кончины царевича Ивана Ивановича в 1581 г.). 23 марта 1576 г. Б. Ф. Годунов дал на молебен полтину и на корм 10 руб. 1 мая 1576 г. Борис, находясь в Старице, дал приехавшему в нее к государю волоколамскому игумену Евфимию (Туркову) 50 руб. на вечное поминание матери инокини Сундулеи. 9 июня 1581 г. Б. Ф. Годунов дал на молебен и панихиду полтину. 29 сентября 1589 г. и 27 сентября 1590 г. датируются вклады Бориса по своему тесте (в обоих случаях по 11 руб.). К числу крупных земельных вкладов Бориса можно отнести село Неверово в волости Холохольне Старицкого уезда, которое он дал в 1584 г. по его прежних владельцах князе Б. Д. Тулупове, Ф. И. и В. И. Умных-Колычевых. В 1590 г. Борис вложил в обитель село Вейна в Козельском уезде. Как и некоторые Бельские, Борис Годунов занимал средства у обители. Так, осенью 1582 г. он возвратил монастырю занятые им ранее 105 руб.

Прочие Годуновы вслед за своим родичем также постепенно устанавливали связь с обителью. Так, в декабре 1579 г. жена Григория Васильевича Годунова на молебен дала 4 алтына. К 1 июля 1590 г. глава клана – Дмитрий Иванович Годунов – уже дал вкладом не менее 123 руб. 20 декабря 1587 г. Григорий Васильевич Годунов вместе с Борисом Цыплятевым дал на молебен 38 алтын. Степан Васильевич Годунов 26 апреля 1587 г. получил на столичном подворье Иосифо-Волоколамского монастыря кредит (разумеется, беспроцентный) – 200 руб. В следующем году

²¹ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 98, 107; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 136, 152, 196, 201.

²² Отмечая связь Б. Ф. Годунова и его супруги с обителью Иосифа, А. А. Зимин ограничился упоминанием их вкладов в нее [Зимин, 1977, с. 130–131].

«человек» С. В. Годунова Володя Чоромной получил для своего господина от монастырских властей еще 10 руб. В 1592 г. монастырь передал «безденежно» С. В. Годунову 85 четей овса. 17 декабря 1589 г. «на молебен» прислал полполтины Яков Михайлович Годунов, 16 декабря 1592 г. – еще 1 руб. и угорский золотой. 10 марта 1592 г. также на молебен Петр Васильевич Годунов дал гривну, 14 марта 1592 г. – Никита Годунов также гривну.

Давали вклады и слуги Годуновых. Так, 9 июня 1590 г. слуга Б. Ф. Годунова Иван Сназин, родич влиятельного соборного старца волоколамского монастыря Измаила (Сназина), дал гривну на молебен, 21 мая 1592 г. – еще гривну²³.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что едва ли не всеисильные в 1590-е гг. Годуновы оказывали определенные услуги обители в столице. Трудно счесть простой случайностью выдачу царем Федором жалованных грамот обители Иосифа, «приказанных» Б. Ф. Годуновым. Дворецкий Г. В. Годунов по меньшей мере оформлял акты, защищавшие имущественные интересы монастыря. Власти (вероятно, лично Б. Ф. Годунов) в поземельной тяжбе обители с И. Г. Годуновым в 1595 г. встали на сторону монастыря, передав ему спорные владения²⁴.

Как видим, для будущего царя, а возможно, и некоторых его родичей обитель Иосифа уже вскоре после заключения брака Бориса с дочерью Г. Л. Скуратова-Бельского (около 1570 г.) стала одной из важнейших. Впрочем, абсолютизировать близость Годуновых к обители Иосифа не стоит – в этот период они давали вклады и в иные монастыри (Ипатьев, Троицу, Чудов, московский Богоявленский, Кириллов, Новодевичий, Герасимов Болдин, калязинский Макарьев, Соловецкий, Антониев Сийский и др.). В то же время есть все основания полагать, что контакты с монастырем, установленные еще при деде Марии и поддерживавшиеся ее супругом, не ограничиваясь личной, семейной сферой, так или иначе могли способствовать укреплению позиций Годуновых в среде церковной элиты.

Напомним общеизвестный факт: на протяжении целого ряда десятилетий обитель Иосифа являлась главной «кузницей» руководителей Русской церкви. В XVI в. из ее стен вышли не менее 17 архиереев (из примерно 120 имеющихся). Выходцы из нее возглавляли не менее 13 обителей, находящихся в различных регионах страны (некоторые из них составляли вершину церковной иерархии): московские Новоспаский и Симонов, подмосковный Николо-Угрешский, волоколамский Возмицкий, дмитровский Николо-Песношский, звенигородский Саввин Сторожевский, Троицкий Селижаров, старицкий Успенский, рязанский Солотчинский, свияжский Богородицкий, казанский Спасо-Преображенский, новгородский Спасо-Хутынский, вероятно, новоторжский Борисоглебский монастыри. Очевидно, что речь шла об исключительно влиятельной внутрицерковной группе, доминировавшей на Освященном соборе²⁵. Союз с ней был способен усилить любой – даже самый влиятельный – придворный клан.

Ситуация изменилась на рубеже 60–70-х гг. XVI в.: в результате двух волн мора обитель Иосифа лишилась подавляющего большинства иноков, которые так и не смогли стать руководителями Церкви. К середине 1580-х гг., после смерти главного патрона обители Иосифа Ивана IV (1584 г.), влияние группы ослабло настолько, что ростовский владыка Евфимий позволил себе открыто оскорблять единственного иосифлянина на кафедре – рязанского епископа Леонида, а также прочих выходцев из этой обители. Ранее, в период занятия кафедр одновременно 2–4 выходцами из обители Иосифа при жизни первого русского царя, это было едва ли воз-

²³ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 374, 375, 379, 389, 403; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 99, 101, 102, 148, 149, 188, 204, 240, 249–250; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 10, 57, 105, 116, 119, 123, 186, 188, 196, 197, 258.

²⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 380, 389, 392, 396, 397.

²⁵ О роли выходцев из обители Иосифа в управлении Русской церковью см.: [Зимин, 1977, с. 282–318; Усачев, 2017].

можно. В 70–90-е гг. XVI в. все чаще на кафедры стали ставить иноков иных – ранее менее влиятельных – монастырей: Махрицкого, Герасимова Болдина, Ипатьева, старицкого Успенского и других [Усачев, 2017, с. 113].

Закономерен вопрос: могли ли связи с переживающей в последней трети XVI в. далеко не самые лучшие времена обителью каким-либо образом повлиять на спектр политических возможностей Годуновых? Обратим внимание на ряд фактов.

Остатки былых возможностей

1. Выходцы из волоколамского монастыря какое-то время и после мора продолжали играть значимую роль в сфере церковного управления: Леонид (Протасов) занимал Рязанскую кафедру (1573–1585 гг.), Симеон – Крутицкую (1581–1582 гг.), Лаврентий (1568–1574 гг.), Тихон (Хворостинин) (1575–1576 гг.) и Иеремия (1576–1581 гг.) – Казанскую. Как правило, речь шла о тех иосифлянах, которые на момент мора в обители находились за ее пределами, но поддерживали с ней связь.

Также следует отметить, что, даже потеряв значительное число опытных иноков, обитель Иосифа сохранила какую-то часть былых возможностей для подготовки руководителей Церкви. В распоряжении монастыря по-прежнему находилось крупнейшее (наряду, конечно, с троицким и кирилловским) собрание книг, освоение которых было необходимо для подготовки насельников к церковной карьере самого высокого уровня. Была жива и какая-то часть опытных иноков, которые могли готовить учеников.

2. В 1578 г. основателю волоколамского монастыря было установлено местное почитание, а 1 июня 1591 г., когда уже ни один выходец из него не занимал кафедры, – общерусское [Голубинский, с. 116–117].

3. Обитель Иосифа и после мора продолжала пользоваться вниманием со стороны наиболее влиятельных представителей политической элиты. Речь шла о продолжении традиции, начало которой было положено еще в первые десятилетия ее существования. Иван IV и после мора неизменно посещал монастырь, давая в него очень значительные вклады. Только по царевичу Ивану Ивановичу (+ 1581 г.) его отец дал денег и вещей на сумму в 1243 руб. Трудно сомневаться и в том, что установление местного почитания Иосифу было сделано с согласия самодержца. Царь Федор также посещал обитель лично и давал в нее вклады, хотя и несколько более скромные²⁶.

Следуя за своими патронами, посещали и одаривали обитель и иные представители политической элиты. 7 мая 1581 г. ее посетил «татарский царь» Симеон Бекбулатович, дав «на корм» 10 руб. и еще 1 руб. на молебен. 17 мая 1582 г. глава Боярской думы князь И. Ф. Мстиславский дал по сыне Василии 100 руб. 25 ноября 1594 г. его сын князь Ф. И. Мстиславский дал по своему отцу Иване и за свое здоровье 50 руб. вдобавок к данным ранее 50 руб. Кузен Ивана IV князь И. М. Глинский дал вклад в июне 1581 г. Боярин Никита Романович несколько ранее 10 марта 1580 г. дал по матери 100 руб. Одаривали монастырь родичи последней супруги Ивана IV Марии Нагой: 9 июня 1581 г. С. Ф. Нагой дал 10 руб. по матери, 5 ноября 1581 г. А. Ф. Нагой – 20 алтын. Давал вклады в обитель Иосифа исключительно близкий ко двору воспитатель

²⁶ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 78–79; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 88, 95, 104 и др.; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 117–119, 123, 186–188, 214 и др.; [Мельник, 2018, с. 73–78; Мельник, 2021, с. 174].

царя Федора Ивановича окольничий А. П. Клешнин. Также известны вклады самых влиятельных дьяков последней трети XVI в. – братьев Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых²⁷.

4. Сохранялась связь обители со значимыми духовными лицами. Помимо «своих» архиереев (выходцев из обители Иосифа), вклады в волоколамский монастырь делали и иные руководители Церкви, далеко не всегда происходившие из него (они, правда, заметно скромнее – как правило, от гривны до 10 руб.). Осенью 1581 г. дал 5 руб., пожалуй, самый близкий к Ивану IV в последние годы его правления человек – его многолетний духовник Феодосий Вятка, который осенью 1585 г. занял Рязанскую кафедру. 15 мая 1581 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь на похороны казанского архиепископа Иеремии прибыл «владыка тверской» (в этот период Захария), дав «на корм» по усопшему 5 руб. и 1 руб. на молебен²⁸. Учитывая то, что обитель не входила в состав Тверской епархии, объяснить участие Захарии в похоронах Иеремии можно лишь наличием личной связи, установленной в казанский период жизни Иеремии (1567–1581 гг.) или ранее. Не имевший еще обширных связей среди руководителей Церкви в столице прибывший из Новгорода митрополит Дионисий (1581–1586 гг.), едва вступив на святительский престол, счел необходимым засвидетельствовать свое почтение не так давно формирующей Освященный собор и по-прежнему близкой ко двору обители: 17 мая и в октябре 1582 г. на корм братии он дал по 5 руб.²⁹

Одаривали обитель и менее значимые лица. Некоторые из них могли являться выходцами из нее. 10 марта 1588 г. дал полполтины на молебен митрополичий казначей Пахомий. 13 декабря 1592 г. «был у пречистые в дому» неизвестный по другим источникам брат патриарха Иова Макарий, давший на молебен гривну. 1 апреля 1574 г. последовал вклад (2 руб.) спировского игумена Лаврентия, 3 апреля того же года – игумена казанского Зилантова монастыря Вениамина (5 руб.). 21 апреля и 4 сентября 1574 г., 4 июня 1581 г. вкладами отметился игумен Николо-Угрешского монастыря Симеон, вероятно, принявший постриг в обители Иосифа [Усачев, 2022б]. Около 1564 г. 5 руб. дал священник Пафнутий, который позднее стал спировским игуменом. Давали вклады в обитель и настоятели Троицкого Селижарова и Зосимины монастырей (Афанасий и Иона) (18 марта 1580 г., 30 декабря 1581 г.), новоторжского Борисоглебского (12 июня 1588 г.), волоколамского Возмицкого (Вассиан) (1589 и 1592 гг.), а также весьма значимых боровского Пафнутьева (Варлаам) (1590 г.) и Спасо-Каменного (Нифонт) (1581 г.) монастырей. Отметились вкладами бывший калязинский игумен Вассиан (Хернов) (1567 г. и после 1567–1568 гг.), происходивший из соборных старцев волоколамского монастыря строитель Троицкого Селижарова Венедикт (Зазиркин) (1590 г.), неизвестный по имени архимандрит старицкого Успенского монастыря (31 июля 1592 г.) и соловецкий игумен Иаков (4 августа 1592 г.), а также, по-видимому, бывший чудовский архимандрит Венедикт (вероятно, начало 1570-х гг.). К числу вкладчиков относились и протопопы – фактически руководители белого духовенства в городах. Так, 24 января 1588 г. датируется вклад (40 алтын, полтора пуда патоки

²⁷ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 105; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 10, 86, 98, 101, 102, 134, 156, 159, 183, 188, 191, 195, 202; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 92; [Стрельников, с. 72; Литвина, Успенский, 2022а, р. 169–170].

²⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 183.

²⁹ Там же. С. 202, 204.

и гривенка перца) на корм братии зарайского протопопа Леонтия. В следующем году он дал еще 1 руб.³⁰

5. Зримым показателем сохранения авторитета монастыря являлось стремление удалиться в него тех лиц, которые благодаря высокому статусу в миру имели возможность выбора места ухода от мира. Как отмечалось выше, в обители Иосифа приняли постриг несколько родичей исключительно близкого к царю Г. Л. Скуратова-Бельского. В нее ушел и весьма заметный деятель эпохи – думный дворянин Михаил Андреевич Безнин, родичи которого Нащокины и Олферьевы были связаны с ней на протяжении ряда поколений [Кобрин; Dykstra, p. 207–220]. Монастырь рассматривали как наиболее предпочтительное место ухода «на покой» и стареющие настоятели. Так, архимандрит тверского Федоровского монастыря Ефрем дал в обитель Иосифа в 1568 г. 10 руб., потом еще 10 руб. и в 1574/1575 г. – 5 руб. «на келью», очевидно, предполагая уход туда «на покой». В 1575/1576 г. аналогичным образом поступил и игумен ржевского Иоанно-Предтеченского монастыря Сергей, дав в волоколамский монастырь 10 руб. на келью (известны и другие вклады Сергея и иноков возглавляемой им обители). Вероятно, проживал в обители Иосифа бывший архимандрит Возмицкого монастыря, давший в нее между маем 1573 и 29 апреля 1574 г. 5 руб.³¹ В начале 1590-х в волоколамской обители проживал и ушедший на покой настоятель значимого столичного монастыря – Спасо-Андроникова – Гурий³². Клирики прочих, достаточно заметных, монастырей также порой предпочитали уйти от мира именно в обитель Иосифа. Например, 9 февраля 1589 г. «Желтиковского монастыря изо Твери служебник Анкудин» дал «пол-4 рубли, а хотел постричься»³³.

Как видим, позиции монастыря, по крайней мере, на протяжении примерно двух десятилетий спустя после мора были достаточно «крепкими». О волоколамской «гегемонии» в Церкви речь, конечно, уже не шла, но и рядовым монастырем обитель Иосифа явно не стала. Какими еще возможностями она располагала?

Наряду с Троицей и Кирилловым обитель Иосифа в XVI в. являлась одним из основных мест подготовки руководителей Русской церкви. Во многом это было связано с наличием одной из крупнейших библиотек в стране, а также более или менее значительного числа опытных наставников (порой находящихся на покое настоятелей и архиереев). Очевидно, что часть возможностей монастырь сохранил и после мора. Если это действительно так, то из обители в рассматриваемый период должно было выйти какое-то число руководителей Церкви. Обратим внимание на две персоны.

Строитель Ипатьева монастыря Гурий (Ступишин)

Первой является многолетний руководитель самого близкого к Годуновым монастыря – костромского Ипатьева – его строитель Гурий (Ступишин). Речь шла о представителе не-

³⁰ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 67, 77, 88, 107; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 23, 142, 157, 183, 188, 194, 197, 202–204, 242, 243; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 11, 111, 112, 120, 191, 192, 196; Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 45.

³¹ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 91, 102; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 1, 87.

³² Расходная книга обители сообщает, что 29 сентября 1592 г. было «дано бывшему андрониковскому архимандриту Гурью зажилого на два годы 80 алтын денег» (см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 231). Единственное известное нам упоминание Гурия в роли настоятеля Спасо-Андроникова монастыря относится к 1589 г. [Строев, стб. 170].

³³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 49.

богатого провинциального служилого рода, который на протяжении нескольких поколений с рубежа XV–XVI вв. был неразрывно связан с обителью Иосифа. Среди не менее чем 8 Ступишинных, принявших постриг в ней в XVI в., выделяются братья Алексей и Трифон. Первый возглавлял Симонов монастырь (1550–1555 гг.), второй – Николо-Песношский (1542–1544 гг.), Симонов (1544–1549 гг.), Суздальскую (1549–1551 гг.) и после перерыва Полоцкую (1563–1565 гг.) кафедры. Значимую роль в церковной истории играл и их племянник Гурий³⁴. Приняв постриг в уже достаточно зрелом возрасте не позднее 1566 г., он активно включился в хозяйственную деятельность обители Иосифа, став соборным старцем и не позднее мая 1573 г. келарем. Он возглавлял перечень соборных старцев обители от 26 июля 1575 г., следуя сразу за игуменом Евфимием (Турковым). Хозяйственной сферой деятельность Гурия в обители не ограничивалась. Он готовил и новоназначенных иноков. Так, в декабре 1579 г. упоминается его ученик старец Лаврентий³⁵. Неудивительно, что именно Гурий – опытный хозяйственник и наставник – представлял обитель Иосифа на Соборах 1580 и 1584 гг.

Полученные в волоколамском монастыре управленческие и, вероятно, иные навыки накопившего немалый опыт и авторитет старца были востребованы в другой обители. Между августом 1584 и 25 декабря 1585 г. Гурий перебрался в Ипатьев монастырь, на долгие годы став его строителем. Такой вираж карьеры нетипичен для иноков обители Иосифа, возглавлявших монастыри, как правило, на территории Новгородской и Тверской земель, а также в Москве и ее округе. Трудно сомневаться в том, что переход Гурия в Кострому мог состояться лишь при самом активном участии главных ктиторов костромской обители в эти годы – стремительно набирающих политический вес Годуновых. Обратим внимание, что в этот период между ними и их противниками – прежде всего, князьями Мстиславскими, князьями Шуйскими и поддерживавшим их митрополитом Дионисием – шла ожесточенная борьба за власть. Особенно напряженной она была в 1584–1586 гг. Окончательную победу Годуновы одержали лишь осенью 1586 г. Примерно одновременно с переходом Гурия в Ипатьев состоялось и поставление на Вологодскую кафедру близкого к Годуновым настоятеля Герасимова Болдина монастыря Антония (11 октября 1585 г.) [Усачев, 2018, с. 143–144]. Если Антоний, являвшийся членом Освященного собора «по должности» (как и любой другой архиерей), заметно усиливал позиции коломенского, а затем ростовского владыки Иова, то Ипатьевский монастырь в тот период на Соборе представлен не был. В чем причина перемещения Гурия?

Вероятно, Б. Ф. Годунов, а возможно, и Годуновы в целом преследовали две цели. Во-первых, их родовой монастырь получал опытного руководителя, прошедшего многолетнюю подготовку в главной «кузнице» архиереев. Трудно сомневаться в том, что неоднократно посещавший обитель Иосифа Борис хорошо лично знал Гурия. Знакомству способствовали и регулярные визиты Гурия по монастырским делам в столицу. Во-вторых, можно предположить, что в условиях напряженной борьбы за власть, исход которой в 1584–1585 гг. предсказать было сложно, Годуновы стремились поставить во главе «своего» монастыря доверенное лицо. Оно в случае их поражения могло обеспечить им известный комфорт в монастырских стенах. Возможно, с желанием усилить экономическое позиции монастыря и их связи с Годуновыми стоит связывать явно инспирированный ими крупный поземельный вклад в Ипатьев царя Федора по родителям Ирины Годуновой 25 декабря 1585 г.³⁶ Правда, удача сопутствовала Годуновым: постриг в итоге приняли их противники – князь И. Ф. Мстиславский и князь И. П. Шуйский.

³⁴ Подробнее о связях Ступишинных с обителью Иосифа см.: [Давиденко].

³⁵ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 26, 85, 145.

³⁶ Описание грамот Коллегии экономии. М., 2018. Т. 2 / Подгот. А. В. Антонов. № 5124.

После победы Годуновых резко возросли не только экономические возможности костромской обители (прежде всего, ее земельные владения) [Веселовский, 1946, с. 77–79], но и место в церковной иерархии. Ее строитель стал членом Освященного собора, приняв участие на утвердившем патриаршество Соборе 1589 г. и избравшем Б. Ф. Годунова на царство Соборе 1598 г.

Проживая в костромском монастыре, Гурий не порывал связей с волоколамским. Так, в 1585/1586 г. он вложил в свою alma mater коня и «доспех меделенской» стоимостью в 15 руб. Волоколамские иноки, в свою очередь, не забывали и Гурия. Запись прихода-расходной книги обители Иосифа под 19 января 1588 г. сообщает о посылке Гурию сукна на мантию и рясу.

Сотрудничество костромской и волоколамской обителей благодаря Гурию приобрело и деловой характер. Как отмечалось выше, 26 апреля 1588 г. власти волоколамского монастыря на Москве выдали 200 руб. С. В. Годунову, который, вероятно, в тот момент нуждался в наличных средствах. Возвращены деньги были в Костроме ипатьевскому строителю Гурию. Используя свои связи в волоколамском монастыре, Гурий брал в долг у него для Ипатьева. Например, под 15 июня 1590 г. в источниках упоминается долг в 50 руб. В свою очередь, волоколамские старцы хранили в костромском монастыре деньги, которые потом использовали при совершении торговых операций. Вряд ли случайностью являлась покупка в январе 1592 г. волоколамскими иноками на московском подворье рыбы за 30 руб. именно у старца Ипатьева монастыря Евстратия.

Благодаря Гурию поддерживались связи между монастырями и на личном уровне. В 1589 г. «в праздник в Оспожин день святых богородицы» волоколамские старцы послали старца Антония со святой водой не только в Ярославль к Б. Я. Бельскому, но и «на Кострому» (вероятно, в Ипатьев). В 1589 г. в обители Иосифа, по крайней мере, месяц проживал клирик Ипатьева монастыря Сергей. 30 апреля 1590 г. священник Ипатьева монастыря Киприан по своим родителям из Москвы прислал 2 руб.

Строитель Гурий возглавлял Ипатьев монастырь до середины 1598 г. Во второй половине этого года в роли его настоятеля фиксируется уже бывший соловецкий игумен Иаков, а Гурий, вернувшись в обитель Иосифа не позднее 6 марта 1599 г., занял в ней второе (после игумена) место. Его последнее известное нам упоминание содержится в перечне соборных старцев обители Иосифа под 15 ноября 1607 г. Гурий этот перечень возглавляет³⁷.

На примере биографии Гурия мы видим тесное переплетение семейных интересов Годуновых, а также представителя одного из «системообразующих» родов обители Иосифа. Есть веские основания полагать, что перечень выходцев из обители Иосифа, игравших значимую роль в Русской церкви в этот период, Гурием не исчерпывался. Обратим внимание на ключевого (наряду, конечно, с патриархом Иовом) члена Освященного собора конца XVI в.

Новгородский митрополит Варлаам

Исследователи рассматривали исключительно новгородский период жизни новгородского митрополита Варлаама (1592–1601 гг.)³⁸. Затрагивая факты его биографии до хиротонии, они лишь отмечали, что Варлаам был поставлен на вторую по значению кафедру из архимандритов весьма значимого столичного Чудова монастыря. Таким образом, из жизни одно-

³⁷ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 110, 114–115; [Тихомиров, Флоря, с. 365]; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 241, 249, 250; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 83, 88, 115, 149, 200.

³⁸ О биографии и деятельности Варлаама и Новгороде его эпохи см.: [Греков, с. 55, 90, 91, 159–168; Гордиенко, с. 410–422].

го из руководителей Церкви «выпал» ее основной период. Закономерно встают вопросы: Варлаам являлся постриженником Чудова монастыря или принял постриг в другой обители? Каким был его статус в миру? Был ли он связан с какой-либо влиятельной внутрицерковной группой? Обратимся к фактам и сообщающим их источникам, которые могут быть связаны с жизнью и деятельностью новгородского владыки.

Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря ко времени около 1570/1571 г. относит вклад священника Василия в обитель. Источник сообщает о том, что «дал священник Белковской Василий, во иноцех Варлаам, в дом Пречистыя Богородицы, во Иосифов монастырь, по своей душе 10 рублей денег, да хлеба и платья и животины всякия и рухледи на десять же рублей, и как преставится – написать его за то в повседневной список и в сенаник, по монастырскому обычею»³⁹. Местоположение церкви, в которой служил Василий-Варлаам, уточняет писцовое описание владений обители Иосифа в Локнышском стане Рузского уезда 1569 г. Среди прочего источник фиксирует «село Белково, а в нем церковь Егорей мученик Христов. В селе ж двор манастырской. Во дворе поп Василей»⁴⁰.

Как видим, речь идет о сельском священнике, служившем со времени не позднее 1569 г., который около 1570/1571 г. – вскоре после мора, опустошившего весь Центр страны, – возможно, овдовев, принял постриг и сделал вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь. Скорее всего, в нем он и подвизался. Так, приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря под 1 и 3 января 1582 г. упоминают вклады Варлаама. Как сообщает источник, после того как 1 января скончался волоколамский старец Даниил (Жуков), «дал по нем Варлаам поп белковская 8 рублей 6 алтын без 2 денег»⁴¹. Даниил являлся соборным старцем Иосифо-Волоколамского монастыря не позднее 1573–1582 гг. [Дайкстра, с. 263]. Скорее всего, Даниила с Варлаамом связывали отношения наставника и ученика. Общеизвестно, что в обители Иосифа они носили особенно сильный характер.

3 января 1582 г. «дал Варлаам белковской по родителех 30 алтын денег, написать 9 душ в сенаник»⁴². Т. Дайкстра совершенно справедливо соотнес попа села Белково с упоминаемым П. М. Строевым волоколамским игуменом Варлаамом Белковским, отметив, что он происходил из среды белого духовенства [Dijkstra, p. 113]. Очевидно, что полученные еще в миру Варлаамом знания и навыки способствовали его церковной карьере, позволяя сократить период его подготовки к ней. В 1587 г. Варлаам уже точно проживал в обители Иосифа. Согласно данным П. М. Строева, в этом году Варлаам возглавил обитель на 3,5 месяца после отхода от дел Евфимия (Туркова). Затем по каким-то причинам Евфимий вернулся к управлению обителью и управлял ею еще 5 месяцев до своей кончины [Строев, стб. 182]. Данные П. М. Строева хорошо согласуются со сведениями хозяйственных книг монастыря, позволяющими привязать их к конкретным датам.

Приходо-расходные книги обители Иосифа сообщают, что 18 декабря 1587 г. в Москву отправились «об игумене бить челом государю» волоколамские старцы Макарий (Зайцев),

³⁹ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. С. 99.

⁴⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 347. Составленная в близкий период писцовая книга Рузского уезда, фиксируя Георгиевскую церковь в Белково, имени служащего в ней священника не приводит (см.: Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов. М., 1997. С. 209).

⁴¹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 197.

⁴² Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 197. Перечень родичей Варлаама представлен в Синодике Кормовом Кириллова (см.: Кормовое поминание в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. С. 151). Однако в нем читаются имена 29 родичей (без указания фамилий и статуса) как Варлаама, так и митрополита Иоасафа (Скрипицына). Точно определить, кто именно из них относился к числу родственников Варлаама, не представляется возможным.

Ефрем (Нащокин) и Варсонофий (Креницын). Под 4 января 1588 г. упоминается уже бывший игумен Евфимий. Таким образом, вопрос о преемнике Евфимия в столице был решен во второй половине декабря 1587 г. или в самом начале января 1588 г. На это указывает и другой фрагмент расходной книги волоколамского монастыря: в перечне московских расходов, осуществленных до 8 февраля 1588 г., фигурируют 34 алтына 2 деньги, которые были уплачены на митрополичьем дворе за ставленную грамоту игумену (его имя не приведено). Судя по всему, это был Варлаам, недолго возглавлявший монастырь, к управлению которым вернулся Евфимий (вероятно, в связи с краткостью периода руководства монастырем Варлаама в известных нам источниках его имя не отразилось). Евфимий скончался, по-видимому, незадолго до 17 августа 1588 г.: в этот день по нему дал вклад его брат Никандр (Турков). 2 сентября 1588 г. по Евфимии дал вклад уже следующий игумен Левкий⁴³. Если принять приводимые П. М. Строевым сведения, то Варлаам возглавлял монастырь примерно с декабря – января по середину марта. Затем он пропадает из источников. Есть основания полагать, что спустя несколько лет в них он появился, но уже в иной роли.

20 февраля 1592 г. на Новгородскую кафедру был поставлен чудовский архимандрит Варлаам [Строев, стб. 36]. Когда именно он возглавил Чудов, неизвестно. Очевидно лишь, что это произошло после мая 1589 г. (в утвержденной грамоте Иову на патриаршество в роли чудовского настоятеля выступает Феодосий⁴⁴). Есть косвенные данные, указывающие на то, что Варлаам был поставлен извне. Общеизвестно, что чаще всего настоятелями становились наиболее значимые иноки соответствующей обители (келари, казначеи или по меньшей мере соборные старцы). Имени Варлаама среди соборных старцев Чудова монастыря в их перечне в акте 1588/1589 г. мы не находим⁴⁵. Это дает основания полагать, что речь идет о поставленном на сравнительно короткий срок настоятеле, который не происходил из числа иноков Чудова монастыря. На наш взгляд, речь идет о волоколамском Варлааме. На это указывают некоторые факты, имевшие место почти сразу после его хиротонии.

Первый известный нам вклад нового новгородского владыки относится к 12 марта 1592 г. В этот день «дал в дом пречистые богородицы и чудотворцу Иосифу новгородский и луцкий митрополит Варлаам 110 рублей, да на молебен рубль, да на панахиду по родителям своих полтину денег»⁴⁶. Обратим внимание на два факта. Во-первых, вклад последовал примерно через 3 недели после поставления Варлаама на Новгородскую кафедру (20 февраля 1592 г.; 6 марта 1592 г. датируется настольная грамота Варлааму⁴⁷), а его приезд в Новгород относится к 21–23 марта.

Окончательно наши сомнения относительно тождества Варлаама Волоколамского и Варлаама Новгородского рассеивают другие записи приходо-расходных книг обители Иосифа. Не позднее 3 марта 1592 г. в столице старцы обители Иосифа за 12 алтын приобрели «бочку огурцов родинских», «и отослана та бочка огурцов к митрополиту к новгородскому Варлааму». Нетрудно заметить, что подарок последовал почти сразу же после поставления Варлаама на кафедру (20 февраля). Со столичного подворья волоколамского монастыря 12 марта 1592 г. было «послано на Волок на колачи про митрополита новгородского, про Варлаама 2 гривны».

⁴³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 252, 253, 257; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 15, 16.

⁴⁴ Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1993. № 28.

⁴⁵ Кистерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. № 96.

⁴⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 186.

⁴⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 137.

Судя по всему, в обители Иосифа ждали приезда только что поставленного владыки. Это было весьма необычно – традиционный путь из столицы в Новгород лежал не через Волоколамск, а через Тверь. Тем не менее калачи к приезду митрополита в волоколамском монастыре были закуплены.

Этим подготовка властей обители Иосифа к приезду исключительно важного гостя не ограничилась. По-видимому, для Варлаама в первой половине марта в срочном порядке была отремонтирована хорошо знакомая ему келья. Расходная книга монастыря под 14 марта сообщает о том, что «дано от белковские кельи от дела плотником Иванку Горбуну с товарищи 20 алтын»⁴⁸. Без сомнений, волоколамские старцы ожидали, что, изменив традиционный маршрут из Москвы в Новгород, архиерей заедет к ним. Посетил ли в марте 1592 г. Варлаам обитель Иосифа или нет, точно неизвестно, однако в эти дни он дал упоминаемый выше достаточно крупный вклад. В любом случае, по меньшей мере одну просьбу волоколамских старцев Варлаам выполнил уже в первые дни после хиротонии. Расходная книга обители под 13 марта 1592 г. фиксирует выдачу ему «пол-2 рубли» за поставление в попы монастырского дьякона Вассиана⁴⁹.

Конечно, в силу занимаемого положения в дальнейшем Варлаам обращал внимание прежде всего на Новгород, заказав для Софийского собора ряд дорогих предметов церковного искусства⁵⁰, а также на обители Русского Севера⁵¹. Однако и в новгородский период архиерей не забывал обитель Иосифа. Так, 5 февраля 1595 г. он дал достаточно крупный (100 руб.) вклад в нее «по родителех по своих на вечной поминок»⁵². Закономерен вопрос: где находился Варлаам с весны 1588 по февраль 1592 г.? Как уже отмечалось выше, чудовским архимандритом он не мог стать ранее мая 1589 г.

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, судя по тому, что неплохо сохранившиеся источники по истории Иосифо-Волоколамского монастыря не упоминают Варлаама в этот период, можно полагать, что его в нем не было. Во-вторых, вскоре он сделал весьма стремительную карьеру: стал настоятелем одной из самых значимых русских обителей (в иерархии монастырей Москвы Чудов занимал третье место), затем вторым лицом в Русской церкви. На наш взгляд, эти факты можно объяснить лишь одним – в эти годы он находился в столице. Очевидно, что чудовским настоятелем он стал не сразу, а спустя какое-то время. Вступая на зыбкую почву догадок, можно предположить, что в Москве какое-то время Варлаам входил в окружение митрополита, а затем патриарха Иова. Чем-то иным объяснить стремительный взлет Варлаама вряд ли возможно. В XV–XVII вв. путь к вершине церковной карьеры порой пролегал через ближний круг первосвященника. В 1462 г. Рязанскую кафедру занял Давид – казначей незадолго до этого скончавшегося митрополита Ионы (+ 31 марта 1461 г.). Судя по всему, игумен владимирского Никольского Волосова монастыря Иона около 1511–1512 гг. вошел

⁴⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 208.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В 1592/1593 г. по его заказу была изготовлена для него чаша водосвятная, в 1593 г. – серебряное блюдо, 12 февраля 1594 г. – оклад Евангелия, в 1599/1600 г. – серебряный напрестольный крест (см.: Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XVI–XVII веков. М., 2008. № 15, 68, 113, 115).

⁵¹ Известен не датированный точно вклад Варлаама на Соловки – 50 руб. (см.: Архив СПбИИ РАН. Кол. 2 (Коллекция актов книг Археографической комиссии). Оп. 1. № 125. Л. 29). Условия вклада детализированы в грамоте Варлаама в монастырь (см.: [Марченко, с. 75–76]). К 1599 г. относятся и другие его вклады в эту обитель (см.: *Досифей (Немчинов), архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847. С. 49). 13 августа 1598 г. Варлаам сделал достаточно крупный вклад в Кириллов – 100 руб. [Никольский, с. 176–177].

⁵² Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. С. 266.

в окружение митрополита Варлаама, в 1517 г. возглавил главную обитель Новгорода – Юрьев монастырь, а в 1522 г. – Рязанскую кафедру. Игумен можайского Колоцкого монастыря (около 1560 г.) Корнилий в 1563–1567 гг. фиксируется в роли митрополичьего казначея, а в 1567 г. – ростовского архиепископа. Иеромонах новгородского Деревяницкого монастыря Мисаил, служивший ризничим Никона в его бытность новгородским митрополитом, в 1651 г. был поставлен на Рязанскую кафедру. В 1654 г. Тверскую кафедру занял уже другой ризничий Никона (к тому времени патриарха) – Лаврентий [Устинова, с. 61–62; Усачев, 2022а, с. 66–67].

Вероятно, с чем-то подобным мы имеем дело и в случае с Варлаамом. Скорее всего, еще проживая в обители Иосифа, он свел знакомство с кем-то из Годуновых (возможно, непосредственно с Борисом), был замечен и после краткого руководства обителью отозван в Москву, где был представлен Иову. Впрочем, учитывая то, что ставленная грамота волоколамскому игумену была выдана на митрополичьем дворе, поставление Варлаама утвердил (по крайней мере, формально) лично Иов и, соответственно, знакомство могло состояться ранее. Не исключено, что кратковременный характер его правления в обители Иосифа был связан с желанием влиятельных покровителей Варлаама видеть его в столице.

Рассматривая поставление Варлаама на Новгородскую кафедру (20 февраля 1592 г.) на фоне событий церковной и политической истории, обратим внимание на некоторые другие факты, которые хронологически близки к данному событию. 1 июня 1591 г. было установлено общерусское почитание Иосифа Волоцкого (этот акт фактически довел до логического конца предпринятые при Иване IV меры по установлению его почитания). 31 июля 1592 г. несомненно пользовавшийся покровительством Иова точно неизвестный по имени архимандрит старицкого Успенского монастыря дал вклад в обитель Иосифа. 13 декабря 1592 г. брат патриарха, посетив обитель Иосифа, дал в нее вклад. Если речь идет не только о хронологическом совпадении, можно говорить о стремлении Иова и близких к нему лиц укрепить связь с обителью Иосифа, которое усилилось не позднее конца мая 1591 г. С чем это могло быть связано?

В поисках возможного ответа приведем еще один факт. 15 мая 1591 г. в Угличе трагически погиб наследник русского престола царевич Дмитрий. Это событие в корне изменило вектор политической борьбы при русском дворе. Отныне она стала вестись не за влияние на неспособного к самостоятельному правлению царя Федора Ивановича, а уже непосредственно за судьбу престола после его кончины. Трудно устоять перед соблазном принять напрашивающееся объяснение: именно в этот момент Иов предпринял попытку укрепить уже имеющийся союз с некогда самой влиятельной внутрицерковной группой, в 1590-е гг. продолжающей сохранять какую-то часть былых возможностей. Очевидно, что лишь итоги последующих исследований позволят верифицировать эту догадку.

Учитывая то, что происхождение и место пострига ряда руководителей Русской церкви рассматриваемого периода точно неизвестны, нельзя исключить, что Гурием (Ступишиным) и Варлаамом перечень выходцев из волоколамского монастыря не исчерпывался. Хотя ни о какой «гегемонии» речь уже не шла, тень былого величия обитель сохраняла на протяжении еще примерно двух-трех десятилетий. Нетрудно заметить, что монастырь поддерживали лица, пришедшие в Церковь еще в период его доминирования. Их уход ознаменовал окончательную утрату обителью былых позиций.

Как видим, несмотря на утрату доминирования, обитель Иосифа и в последние десятилетия XVI в. располагала немалым влиянием. Оно обуславливалось личными связями, установленными еще до мора 60–70-х гг. XVI в. Значение монастыря сохранялось на протяжении того

времени, в течение которого были живы так или иначе связанные с ним лица. Важную роль играла и установившаяся за десятилетия близости ко двору традиция. Следуя ей, самодержец и лица из его окружения не оставляли своим вниманием обитель. В их число входили представители трех поколений семьи самого близкого к Ивану IV светского лица – Г. Л. Скуратова-Бельского. В результате брака с его дочерью в этот круг вошел и Б. Ф. Годунов, получивший в качестве «социального приданого» связь с некогда главной «кузницей» руководителей Русской церкви.

Хотя обитель Иосифа в последней трети XVI в. переживала далеко не самый лучший период в своей истории, ее иноки, после смерти своего главного патрона в 1584 г. как никогда нуждавшиеся во влиятельных покровителях в столице, смогли оказать немалую поддержку набирающим политический вес Годуновым. В число так или иначе связанных с ними лиц входили и члены главного органа церковного управления – Освященного собора: строитель костромского Ипатьева монастыря Гурий (Ступишин) и второе лицо в Русской церкви новгородский митрополит Варлаам. Вероятно, поддерживали Иова и Годуновых и иные участники Соборов 1589 и 1598 гг., представлявшие Иосифо-Волоколамский монастырь, – игумены Левкий и Геласий, соборные старцы Измаил (Сназин), Моисей (Неплюев) и Тихон (Ржевский). Очевидно, что они являлись значимой частью тех сил, которые в 1598 г. сплотил патриарх Иов, обеспечив избрание Бориса Годунова на царство.

Литература

- Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 5–239.
- Алексеев А. И. Синодик московского Богоявленского монастыря 1670–1730 гг. // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 5–211.
- Баталов А. Л. О времени построения собора Болдино-Дорогобужского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 442–447.
- Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. 431 с., [34] л. ил.
- Беляков А. В. Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 578–612. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612
- Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения: Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // ИЗ. М., 1946. Т. 18. С. 56–91.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с.
- Гневашев Д. Е. Вологодское поместье Малюты Скуратова // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сборник статей в честь Е. Н. Швейковской. М., 2021. С. 23–51.
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1998. 597 с.
- Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. 466 с.
- Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 3. С. 40–191.
- Давиденко Д. Г. Представители рода Ступишиных в церковной жизни России XVI в. // Российская генеалогия. М., 2016. Вып. 1. С. 9–55.
- Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. М., 2007. Вып. 2. С. 238–298.
- Дмитриева З. В., Павлов А. П. Вклады Годуновых в Кирилло-Белозерский монастырь // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 18–29. DOI 10.51255/2311-603X_2021_2_18
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. 356 с.

- Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. 331 с.
- Кобрин В. Б. Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист // Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. С. 152–155.
- Корзинин А. Л. Путь к власти Сабуровых и Годуновых // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 287–311. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-287-311
- Корзинин А. Л., Бащинин Н. В. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени и коммеморативная практика в XVI в. (Новое о думном дьяке Андрее Щелкалове) // Scando-Slavica. 2022. Т. 68. № 1. P. 157–174. DOI 10.1080/00806765.2022.2053585 [Литвина, Успенский, 2022а]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб., 2022. 224 с. [Литвина, Успенский, 2022б]
- Макарий (Миролюбов), архим. Вклады Годуновых в Ипатьевском монастыре // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 3. Вып. 1. Стб. 231–237.
- Марченко Н. А. Новгородские архиереи в поминальной практике Соловецкого монастыря XV–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 69–87. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.008
- Мельник А. Г. Богомолья царя Ивана Грозного // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2018. Вып. 23. С. 61–79.
- Мельник А. Г. Богомолья царей Федора Ивановича и Бориса Годунова // Макариевские чтения. Можайск, 2021. Вып. 27. Православная культура в период испытаний и потрясений. С. 170–181.
- Назаров В. Д. Политическая прагматика и историческая память: случай Бориса Федоровича Годунова // Universitas historiae. Сборник статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 129–138.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. [696] с. разд. паг.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 278 с.
- Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб., 2018. Т. 2. 622 с.
- Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». 2-е изд., доп. М., 1985. 206 с.
- Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. 505 с.
- Стрельников С. В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 58–74.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб.
- Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Изв. М., 1938. Т. 3. С. 130–160.
- Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 331–383.
- Ульяновский В. И. «Священство» и «царство» в начале Смуты. Московские патриархи, российские монастыри, духовенство. М.; СПб., 2021. 807 с.
- Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.
- Усачев А. С. Вологодский епископ Антоний и Русская церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136–146. DOI 10.31857/S086956870002231-5
- Усачев А. С. «Честные и благородные люди» в Русской церкви XV–XVI вв. Особенности самоидентификации // Диалог со временем. М., 2021. Вып. 77. С. 314–326.
- Усачев А. С. Рязанский епископ Иона (1522–1547) и церковная элита в России XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 60–75. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.006 [Усачев, 2022а]
- Усачев А. С. Происхождение списка Апостола 1570 г. и руководителя Русской Церкви XVI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/S207987840022649-2-1> (дата обращения: 20.01.2023). DOI 10.18254/S207987840022649-2 [Усачев, 2022б]

Устинова И. А. Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.). М., 2020. С. 58–64.

Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912. XXII, 399 с.

Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München, 2006. 264 p.

References

Alekseev, A. I. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremle [Synodik of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2019. No. 3/4 (55/56). Pp. 5–239.

Alekseev, A. I. Sinodik moskovskogo Bogoyavlenskogo monastyrya 1670–1730 gg. [Synodic of the Moscow Epiphany Monastery in 1670–1730]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2021. No. 3/4 (63/64). Pp. 5–211.

Batalov, A. L. O vremeni postroeniya sobora Boldino-Dorogobuzhskogo monastyrya [About the Time of the Construction of the Cathedral of the Boldino-Dorogobuzhsky Monastery]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik*. 1985. Moscow, 1987. Pp. 442–447.

Batalov, A. L. Moskovskoe kamennoe zodchestvo kontsa XVI veka. Problemy khudozhestvennogo myshleniya epokhi [Moscow Stone Architecture of the End of the 16th Century. Problems of Artistic Thinking of the Epoch]. Moscow, 1996. 431 p., [34] l. of il.

Belyakov, A. V. Knyaz'ya i mirzy Sheidyakovy v Rossii XVI–XIX vv. [The Sheydyakov Princes and Mirzas in Russia from the Sixteenth to the Nineteenth Century]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 578–612. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612

Davidenko, D. G. Predstaviteli roda Stupishinykh v tserkovnoi zhizni Rossii XVI v. [Representatives of the Stupishin Family in the Church Life of Russia in the 16th Century]. In *Rossiiskaya genealogiya*. Moscow, 2016. Issue 1. Pp. 9–55.

Dmitrieva, Z. V., Pavlov, A. P. Vklady Godunovykh v Kirillo-Belozerskii monastyr' [Gifts of the Godunovs to the Kirillo-Belozersky Monastery]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2021. No. 2 (30). Pp. 18–29. DOI 10.51255/2311-603X_2021_2_18

Dykstra, T. E. Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München, 2006. 264 p.

Dykstra, T. Inocheskie imena v Moskovskoi Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1479–1607) [Monastic Names in Muscovite Rus and the Problems of Identifying Their Owners (Based on the Sources of the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607)]. In *Imenoslov. Istoricheskaya semantika imeni*. Moscow, 2007. Issue 2. Pp. 238–298.

Gnevashev, D. E. Vologodskoe pomest'e Maluty Skuratova [Vologda Estate of Malyuta Skuratov]. In *Traditsionnye i novatorskie puti izucheniya sotsial'noi istorii Rossii XII–XX vekov. Sbornik statei v chest' E. N. Shveikovskoi*. Moscow, 2021. Pp. 23–51.

Golubinskii, E. E. Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoi tserkvi [The History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow, 1998. 597 p.

Gordienko, E. A. Novgorod v XVI veke i ego dukhovnaya zhizn' [Novgorod in the 16th Century and Its Spiritual Life]. Saint Petersburg, 2001. 466 p.

Grekov, B. D. Ocherki po istorii khozyaistva Novgorodskogo Sofiiskogo doma XVI–XVII vv. [Essays on the History of the Economy of the Novgorod Sofia House of the 16th – 17th Centuries]. In *Grekov, B. D. Izbrannye trudy*. Moscow, 1960. Vol. 3. Pp. 40–191.

Kobrin, V. B. Mikhail Beznin – oprichnik, monakh, avantyurist [Mikhail Beznin – Oprichnik, Monk, Adventurer]. In *Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika. Izbrannye trudy*. Moscow, 2008. Pp. 152–155.

Korzinin, A. L. Put' k vlasti Saburovykh i Godunovykh [The Path to Power of the Saburovs and the Godunovs]. In *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 287–311. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-287-311

Korzinin, A. L., Bashnin, N. V. Novye dannye k biografii oprichnika Maluty Skuratova [New Data for the Biography of Malyuta Skuratov]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 2. Pp. 172–188.

- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni i kommemorativnaya praktika v XVI v. (Novoe o dumnom d'yake Andree Shchelkalove) [Name Choice and Commemorative Practice in the 16th Century (New about the Duma Dyak Andrey Shchelkalov)]. In *Scando-Slavica*. 2022. Vol. 68. No. 1. Pp. 157–174. DOI 10.1080/00806765.2022.2053585 [Litvina, Uspenskii, 2022a]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniya) [Godunov in the Circle of Relatives (Biographical Research)]. Saint Petersburg, 2022. 224 p. [Litvina, Uspenskii, 2022b]
- Makarii (Mirolyubov), archimandrite. Vklady Godunovykh v Ipat'evskom monastyre [Godunovs' Contributions to the Ipatiev Monastery]. In *Izvestiya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1861. Vol. 3. Issue 1. Col. 231–237.
- Marchenko, N. A. Novgorodskie arkhierei v pominal'noi praktike Solovetskogo monastyrya XV–XVII vv. [Archbishops of Novgorod in the Memorial Practice of the Solovetsky Monastery of the 15th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No. 2 (92). Pp. 69–87. DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.008
- Mel'nik, A. G. Bogomol'ya tsarya Ivana Groznogo [The Pilgrimage of Tsar Ivan the Terrible]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 2018. Issue 23. Pp. 61–79.
- Mel'nik, A. G. Bogomol'ya tsarei Fedora Ivanovicha i Borisa Godunova [The Pilgrimages of Tsars Fyodor Ivanovich and Boris Godunov]. In *Makarievskie chteniya*. Mozhaisk, 2021. Issue 27. Pravoslavnaya kul'tura v period ispytaniy i potryaseniy. Pp. 170–181.
- Nazarov, V. D. Politicheskaya pragmatika i istoricheskaya pamyat': sluchai Borisa Fedorovicha Godunova [Political Pragmatics and Historical Memory: The Case of Boris Fedorovich Godunov]. In *Universitas historiae. Sbornik statei v chest' P. Yu. Uvarova*. Moscow, 2016. Pp. 129–138.
- Nikol'skii, N. K. Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625) [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure until the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625)]. Saint Petersburg, 1910. Vol. 1. Issue 2. [696] p. of separate pagination.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 278 p.
- Pavlov, A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie [Duma and Room People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Research]. In 2 vol. Saint Petersburg, 2018. Vol. 2. 622 p.
- Shpakov, A. Ya. Gosudarstvo i tserkov' v ikh vzaimnykh otnosheniyakh v Moskovskom gosudarstve. Tsarstvo-vanie Feodora Ivanovicha. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii [The State and the Church in Their Mutual Relations in the Muscovite State. The Reign of Fyodor Ivanovich. Establishment of the Patriarchate in Russia]. Odessa, 1912. XXII, 399 p.
- Skrynnikov, R. G. Rossiya nakanune "Smutnogo vremeni" [Russia on the Eve of the "Time of Troubles"]. 2nd ed., expanded. Moscow, 1985. 206 p.
- Stanislavskii, A. L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv. [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2004. 505 p.
- Strel'nikov, S. V. K voprosu o prednaznacheni vkladnykh gramot i vkladnykh knig [On the Question of the Purpose of Contribution Acts and Contribution Books]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow; Saint Petersburg, 2006. Issue 10. Pp. 58–74.
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col.
- Tikhomirov, M. N. Monastyr'-votchinnik XVI v. [A Monastery-Patrimony of the 16th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1938. Vol. 3. Pp. 130–160.
- Tikhomirov, M. N., Florya, B. N. Prikhodo-raskhodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 1606/07 g. [Revenue and Expense Books of the Iosifo-Volokolamsky Monastery of 1606/07]. In *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1966 god*. Moscow, 1968. Pp. 331–383.
- Ul'yanovskii, V. I. "Svyashchenstvo" i "tsarstvo" v nachale Smuty. Moskovskie patriarkhi, rossiiskie monastyri, dukhovenstvo ["Priesthood" and "Tsarstvo" at the Beginning of the Troubles. Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy]. Moscow; Saint Petersburg, 2021. 807 p.
- Usachev, A. S. Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.? [Why did the "Volokolam Hegemony" End in the Russian Church of the 16th Century?]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 5. Pp. 97–113.

- Usachev, A. S. Vologodskii episkop Antonii i Russkaya tserkov' v period bor'by za vlast' pri dvore v seredine 1580-kh gg. [Vologda Bishop Anthony and the Russian Church during the Struggle for Power at the Court in the mid-1580s]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2018. No. 6. Pp. 136–146. DOI 10.31857/S086956870002231-5
- Usachev, A. S. "Chestnye i blagorodnye lyudi" v Russkoi tserkvi XV–XVI vv. Osobennosti samoidentifikatsii ["Honest and Noble People" in the Russian Church of the 15th – 16th Centuries. Features of Self-Identification]. In *Dialog so vremenem*. Moscow, 2021. Issue 77. Pp. 314–326.
- Usachev, A. S. Ryazanskii episkop Iona (1522–1547) i tserkovnaya elita v Rossii XVI v. [Ryazan Bishop Iona (1522–1547) and the Church Elite in Russia in the 16th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 2 (88). Pp. 60–75. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.006 [Usachev, 2022a]
- Usachev, A. S. Proiskhozhdenie spiska Apostola 1570 g. i rukovoditeli Russkoi Tserkvi XVI v. [The Origin of the Books of the Apostles (1570) and the Leaders of the Russian Church in the 16th Century]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. Issue 8 (118). URL: <https://history.jes.su/S207987840022649-2-1> (accessed: 20 January 2023). DOI 10.18254/S207987840022649-2 [Usachev, 2022b]
- Ustinova, I. A. Iz praktiki arkhieiereiskikh postavlenii v XVII v.: traditsii i novatsii [From the Practice of Episcopal Appointments in the 17th Century: Traditions and Innovations]. In *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statei uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (24–25 noyabrya 2020 g.)*. Moscow, 2020. Pp. 58–64.
- Veselovskii, S. B. Iz istorii drevnerusskogo zemlevladieniya: Rod Dmitriya Aleksandrovicha Zernova (Saburovy, Godunovy i Vel'yaminovy-Zernovy) [From the History of Old Russian Land Ownership: The Family of Dmitry Alexandrovich Zernov (Saburovs, Godunovs and Velyaminovs-Zernovs)]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1946. Vol. 18. Pp. 56–91.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of Oprichnina]. Moscow, 1963. 539 p.
- Zimin, A. A. Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV – XVI v.) [Large Feudal Estate and Socio-Political Struggle in Russia (Late 15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1977. 356 p.
- Zimin, A. A. V kanun groznykh potryasenii: Predposylki pervoi Krest'yanskoj vojny v Rossii [On the Eve of Terrible Upheavals: Prerequisites of the First Peasant War in Russia]. Moscow, 1986. 331 p.

Andrei S. Usachev

Russian State University for the Humanities,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

“THE SOCIAL DOWRY” OF MALIUTA SKURATOV’S DAUGHTER:
B. F. GODUNOV AND THE VOLOTSKY MONASTERY OF ST. JOSEF

The article is devoted to the insufficiently known Boris Godunov's relations with some representatives of the church elite. The author shows that the marriage with the daughter of G. L. Skuratov-Belsky who was very close to the tsar, had contributed not only to the strengthening of his official positions. In fact, Boris Godunov inherited close relations with the Volotsky Monastery of St. Josef from the Belskys. Even after the pestilence of 1560–1570s, the monastery retained some part of its former influence. At the same time, after the death of its main patron Ivan IV the monastery needed the support of influential persons. The union of Godunov and the monastery was expressed in donations and support of its natives, who held high posts in the Russian Church (Gury (Stupishin), the Novgorod metropolitan Varlaam). The author supposes that the persons who had connections with this monastery supported Boris Godunov at the Council that elected him as the tsar in 1598. The research is based on the acts, records of income, including donations, and expenses of the Volotsky Monastery.

Keywords: monasticism, the Russian Church, the 16th century, Novgorod Diocese, Volotsky Monastery of St. Josef, Boris Godunov, G. L. Skuratov-Belsky, episcopate, Church Council